

Nauka.me 2013-2025

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

All right reserved

Issue 4 Volume . 2020

China's corporate identity

Alexei Sokriukin

*State Academic University for the Humanities (GAUGN)
Moscow, 119049, Maronovskiy str., 26*

Abstract

The paper analyzes three characteristic elements of China's corporate identity and provides an understanding of Zhōngguó's self-identification through its history and key philosophical ideas. Based on the theory of social constructivism by A. Wendt, the author demonstrates the interpretive relationship between the corporate identity of China and its national interests, summarized at the end of each section. As a result, it is easier to understand China's self-organizing qualities as a sovereign actor in international relations.

Keywords list (en): China, constructivism, corporate identity

Publication date: 31.12.2020

Citation link:

Sokriukin A. China's corporate identity // Nauka.me – 2020. – Issue 4 [Electronic resource]. URL: <https://nauka.me/S241328880013312-7-1> (circulation date: 19.05.2025). DOI: 10.18254/S241328880013312-7

1

Цивилизация в территориальном государстве

Одним из типов идентичностей, который государства формируют для себя является корпоративная. Корпоративная идентичность, Согласно А. Вендту, определяется как «имманентные актору самоорганизующиеся качества, которые составляют его индивидуальность» и определяют четыре базовых государственных интереса: физическая безопасность, расчетные отношения с миром, признание и развитие. Эти интересы являются общими для всех государств, в том числе и для Китая.¹ Но, как верно заметил Л. Пай: «Китай – это не просто ещё одно национальное государство в семье наций. Китай – это цивилизация, притворяющаяся государством».²

2

Начиная с древнейших времён, чувство преемственности поколений позволяло китайской нации на протяжении веков поддерживать культурную самобытность. Исследователи

добавляют к этому характерные китайцам ощущение исключительности.³ Незападная природа китайской идентичности наблюдалась В. Каллаханом⁴ и М. Жаком,⁵ кто также отмечали неподражаемую для европейцев способность китайцев сохранять на протяжении тысячелетий, богатых гражданскими войнами и революциями, оригинальное самоназвание страны – *Чжунго* («Срединное государство»). Развиваясь отдельно от остального мира, китайцы, таким образом, сформировали не собственную культуру, но цивилизацию.⁶

3 С другой стороны, современная западная политология нередко стремится описывать постбиполярные международные отношения (здесь и далее – МО) терминами Вестфальской системы, в которой Китаю предначертывается роль территориального государства.⁷ Через навязывание чуждых Востоку норм западные державы демонтировали Китайскую империю и установили неизвестные китайцам правила демаркации территории, национального государства и государственного суверенитета.⁸ Как следствие, возникало диаметрально противоположное противоречие между западными институтами и восточной китайской политической культурой, порождавшее недопонимание с другими акторами МО в контексте онтологического и эпистемологического бытия.

4 Китайская цивилизация никогда не встречала серьёзного сопротивления со стороны цивилизаций-конкурентов вплоть до XIX в. и прихода могущественных западных национальных государств.⁹ С тех пор она попала в ловушку Вестфальской системы территориальных государств, не понимая полностью ее правил или не желая полностью их соблюдать. Ц. Ши и Ц. Инь приводят пример одностороннего ухода Китая с территорий, захваченных в ходе Корейской войны. В то время как в западном понимании Вестфальской системы это считается естественным и правильным поведением государства, цивилизация рассматривает это как цивилизационный компромисс в интересах гармонии.¹⁰ При этом, начиная с 1990-ых, мы можем наблюдать, как *Панча Шила* («пять принципов мирного сосуществования»), в которой аналогично Вестфальским принципам преобладает перспектива *realpolitik*, активно находит признание в повестке Китая и, напротив, размывается в западной.¹¹ Примером может служить право нарушения другими акторами МО принципа невмешательства и суверенитета в соответствии с концепцией R2P («обязанность защищать»)¹².

5 Кроме того, некоторые исследователи отвечают, что под влиянием мощной националистической риторики в китайском политическом дискурсе важное место стала занимать проблема онтологической безопасности.¹³ Такое стало возможным в результате пережитого Китаем «Столетия унижений», начавшегося с Первой опиумной войны (1839–1842 гг.), за которой последовали Нанкинский и др. «неравные договоры»; продолжившегося десятилетиями дезинтеграции; и завершившегося коммунистической революцией 1949 г., которая оставила подданных бывшей Империи униженными и оскорблёнными.¹⁴ Таким образом националистические взгляды концептуализировались как сочетание хань-китайского этноцентризма, цивилизационного величия и чувства несправедливости/унижения, вызванного Западом.¹⁵

6 Китай идентифицирует себя как возрождающуюся цивилизацию, которой необходимо вернуть былое величие и осуществить *Чжунго Мэн* («китайскую мечту»). В XX в. Китай считался слаборазвитой экономикой, исключенной из активной части международного сообщества. Однако, за последние десятилетия активного экономического развития и вовлечения в международную политику, эта позиция резко перевернулась. В настоящее время Китай, как одна из великих держав, осуществляет продвижение собственного подхода к построению международного порядка («Пекинский консенсус»), а также возвращение исторических границ Поднебесной.¹⁶

7 В этом разделе подробно рассматривается древняя идентичность Китая процветающей цивилизации, ранее формировавшей собственное культурное сообщество на идеях величия и самобытности, а позднее подвергнувшейся упадку и унижению. Идея возрождения исторического величия катализирует достижение следующего интереса в современном Китае: обновления китайской нации, уважения международного сообщества, осуществления китайской мечты.

Конфуцианская философия и идея *Тянься*

Цивилизационная идентичность находится под сильным влиянием культурного наследия конфуцианской философии и идеи *Тянься* («Поднебесная»). Конфуцианство было основано Конфуцием в период политической раздробленности и войн в Поднебесной, более известный как *Чуньцю* (Период Весен и Осеней). А. Форсби указывает на четыре наиболее важных направления конфуцианства: люди обучаемы способны к развитию, приоритет и благополучие коллективного над индивидуальным, социальная гармония и порядок, а также инклюзивный и универсальный характер этих философских принципов.¹⁷ Центральный аргумент конфуцианского нового национализма состоит в том, что китайские культурные корни и конфуцианское наследие должны быть усвоены также в условиях рыночной экономики. Дж. Дотсон отмечает возрождение этой идеологии с приходом к власти Дэна Сяопина в 1978 г. и до сегодняшнего дня, когда Си Цзиньпин в своих нарративах открыто перефразирует конфуцианские принципы.¹⁸

9 Идея *Тянься*, в которой все равны под небом, диктует, что всем метафизическим царством смертных следует управлять в соответствии с универсальными и четко определенными принципами порядка. Мир, единое целое в материальном и нематериальном смысле, является первичным, а все более мелкие единицы, такие как государства, постепенно подчиняются Поднебесной.¹⁹

10 Центральным элементом крепкой самоидентификации Китая с его цивилизационной историей является вера в то, что самосовершенствование ведет к хорошему управлению в данном государстве. Когда все государства хорошо управляются, мир станет мирным и гармоничным. Так, подход Китая к внутренним и внешним делам основывается на конфуцианских принципах. Получающийся в результате образ «самодостаточной» цивилизации предполагает определенное превосходство китайской идентичности и, следовательно, веру в то, что государство способно достичь целей, следуя особому пути, а не западному.²⁰

11 Этот раздел построен на философских и идеологических основаниях корпоративной идентичности Китая как хорошо управляемой цивилизации, которая стремится к мирному и гармоничному миру через формирование глобализацию сообщества, основанного на конфуцианской морали. Поэтому важнейшим интересом Китая является понимание и соблюдение *Тянься* во всем мире с целью развития сообщества равных, независимых и социально гармоничных государств.

12

Реформирование современной социалистической экономики

Международная среда пришедшего в 1978 г. к власти Дэн Сяопина сильно отличалась от той, с которой Мао Цзэдун строил КНР. Ядерная разрядка, биполярность, повышенное внимание великих держав к развитию третьего мира – во всём этом Дэн Сяопин увидел возможность экономической трансформации Китая. Вместо неизбежной мировой «войны и революции» Мао он ввел концепцию «мира и развития».²¹ Путь экономического развития Китая не должен был зависеть от пути остального мира; это должен быть его собственный путь, вдохновляющий Китай игнорировать модель «Вашингтонского консенсуса». Однако глобализация по-прежнему считалась основным источником экспоненциального роста экономики, и поэтому Китай больше не мог игнорировать мир за пределами своих границ.

13 Китайский экономист Ху Анганг описывает Китай как страну, переживающую четыре трансформации: от сельской к городской, от плановой к рыночной, от закрытой индустриальной экономики к открытой информационной экономике и от инвайронментально нечувствительной модели роста к устойчивому росту.²² Из этого следует, что Китай идентифицирует себя как страну, пользуясь западной терминологией, находящуюся в процессе трансформации в современное государство.

14 В то же время основываясь на традиции династического авторитаризма, политическая система Китая всегда имела тенденцию к иерархичности, закрытости и монополизму. Данные

принципы были имплементированы и в политический режим современного Китая, где, кроме того, особое значение имеет *Тяньмин* («небесный мандат») правителя, который должен был соответствовать моральным обязательствам «благородного мужа».²³ Это еще больше повлияло на тоталитарное стремление к политическому единству, которое стало возможным благодаря устранению основных оппозиционных сил. Традиция унификации власти в руках узкого круга лиц сохраняется в Китае и до сих пор, где руководство КПК установило фактический контроль над исполнительной, законодательной и судебной властями, а также СМИ. Отсюда А. Форсби указывает, что китайское политическое сознание по-прежнему находится под сильным влиянием его «иерархической и объединяющей тенденций».²⁴

15 В этом разделе рассматривается третий отличительный элемент корпоративной идентичности Китая – идея реформирования социалистической экономики во главе с устойчивым иерархическим руководством и создание политического сообщества, способствующего поддержанию единства и вертикали власти. Таким образом, интерес Китая заключается в модерновом развитии и консолидации современного государства с китайской спецификой, в котором производительные силы модернизируют экономику, консолидируют власть КПК и стабилизируют общество.

16

Заключение

Следуя теоретическому предположению о том, что корпоративная идентичность определяет основные национальные интересы государства, в этой работе были обозначены три основных элемента корпоративной идентичности Китая – культурное сообщество древней и некогда процветающей цивилизации, помещённой в период «столетия унижений» западными державами в унижительные рамки территориального, национального государства; моральное сообщество, следующее конфуцианской философии и идее *Тянься*; и политическое сообщество в современной социалистической экономике, консолидирующее иерархическую вертикаль власти, модернизирующее свой экономический уклад и стремящееся к гармонизации коллектива.

17 Таким образом, через перспективу китайской корпоративную идентичность развитие рассматривается в интересах стабильной, модернизирующейся и растущей социалистической экономики; признание достигается через обновление и уважение китайской цивилизации; расчетные отношения коренятся в стремлении к всемирному принятию *Тянься*; а безопасность можно обнаружить в конфуцианской философии бесконфликтного и гармоничного мира.

Remarks:

1. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. 1994. Т. 88, № 2. С. 385.
2. Pye L. *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1992. С. 235.
3. Gungwu W. *The Chineseness of China: Selected Essays*. Oxford: Oxford University Press. 1991. С. 2
4. Callahan W. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony // *International Studies Review*. 2008. Т. 10, № 4. С. 749–761.
5. Jacques M. *When China Rules the World*. New York: Penguin Press. 2009. 830 с.
6. Forsby A. An End to Harmony? The Rise of a Sino-Centric China // *Political Perspectives*. 2011. Т. 5, № 3. С. 6.
7. Shih C., Yin J. Between Core National Interest and a Harmonious World: Reconciling Self-role Conceptions in Chinese Foreign Policy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2013. № 6. С. 63.
8. Forsby A. Указ. соч. С. 9.
9. Там же. С. 10.
10. Shih C., Yin J. Указ. соч. С. 72.
11. Deng Y. The Chinese Conception of National Interests in International Relations // *The China Quarterly*. 1998. № 154. С. 311.

12. Barnett M. Social constructivism. *The Globalization of World Politics* / под ред. John Baylis, Steve Smith and Patricia Owens. Oxford: University Press. 2011. С. 160.
13. Liao N. Dualistic identity, Memory-encoded Norms, and State Emotion: A Social Constructivist Account of Chinese Foreign Relations // *East Asia* 2013. № 30. С. 139–60.
14. Fairbank J., Merle G. *China - a New History*. Cambridge and Massachusetts: Harvard University Press. 2006. С. 205.
15. Callahan W. Указ. соч. С. 155.
16. Forsby A. Указ. соч. С. 6.
17. Там же. С. 12.
18. Dotson J. *The Confucian Revival in the Propaganda Narratives of the Chinese Government*. US-China Economic and Security Review Commission Staff Research Report. 2011. С. 4.
19. Zhao T. A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia) // *Diogenes*. 2009. №. 221. С. 12.
20. Hao, Z. *Intellectuals at a Crossroads: The Changing Politics of China's Knowledge Workers*. New York: State University of New York Press. 2003. С. 141.
21. Cooper R. *Brand China*. The Foreign Policy Centre. 2007. С. 28 URL: >>>> (дата обращения: 06.12.2020).
22. Wang S., Angang H. *The Political Economy of Uneven Development: The Case of China*. Amonk, New York: M.E. Sharpe. 1999. 288 с.
23. Zhang Y. System, Empire and State in Chinese International Relations // *Review of International Studies*. 2001. № 27. С. 46.
24. Forsby A. Указ. соч. С. 15

References:

1. Barnett M. Social constructivism. *The Globalization of World Politics* / yayuf №khf. John Baylis, Steve Smith and Patricia Owens. Oxford: University Press. 2011. 636.
2. Callahan W. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony // *International Studies Review*. 2008. v. 10, J 4. b. 749761.
3. Cooper R. *Brand China*. The Foreign Policy Centre. 2007. S. 49 URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2007/02/827.pdf> (data obrascheniya: 06.12.2020).
4. Deng Y. The Chinese Conception of National Interests in International Relations // *The China Quarterly*. 1998. J 154. b. 308329.
5. Dotson J. *The Confucian Revival in the Propaganda Narratives of the Chinese Government*. US-China Economic and Security Review Commission Staff Research Report. 2011. b. 22.
6. Fairbank J., Merle G. *China - a New History*. Cambridge and Massachusetts: Harvard University Press. 2006. b. 560.
7. Forsby A. An End to Harmony? The Rise of a Sino-Centric China // *Political Perspectives*. 2011. v. 5, J 3. b. 526.
8. Gungwu W. *The Chineseness of China: Selected Essays*. Oxford: Oxford University Press. 1991. 354 yo.
9. Hao, Z. *Intellectuals at a Crossroads: The Changing Politics of China's Knowledge Workers*. New York: State University of New York Press. 2003. 496 с.
10. Jacques M. *When China Rules the World*. New York: Penguin Press. 2009. 830 с.
11. Liao N. Dualistic identity, Memory-encoded Norms, and State Emotion: A Social Constructivist Account of Chinese Foreign Relations // *East Asia* 2013. J 30. b. 139160.

12. Pye L. *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1992. 294 yo.
13. Shih C., Yin J. *Between Core National Interest and a Harmonious World: Reconciling Self-role Conceptions in Chinese Foreign Policy* // *The Chinese Journal of International Politics*. 2013. J 6. b. 5984.
14. Wang S., Angang H. *The Political Economy of Uneven Development: The Case of China*. Amonk, New York: M.E. Sharpe. 1999. 288 yo.
15. Wendt A. *Collective Identity Formation and the International State* // *American Political Science Review*. v. 88. J 2. b. 38496.
16. Zhang Y. *System, Empire and State in Chinese International Relations* // *Review of International Studies*. 2001. J 27. b. 4363.
17. Zhao T. *A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia)* // *Diogenes*. 2009. J. 221. b. 518.

Корпоративная идентичность Китая

Сокрюкин Алексей Викторович

*Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)
Москва, 119049, Маролевский переулок, д. 26*

Аннотация

В работе анализируются три характерных элемента корпоративной идентичности Китая и дается понимание самоидентификации Чжунго через его историю и ключевые философские идеи. Опираясь на теорию социального конструктивизма А. Вендта, демонстрируется интерпретационная зависимость между корпоративной идентичностью Китая и его национальными интересами, резюмируемыми в конце каждого раздела. В результате облегчается понимание самоорганизующихся качеств Китая как суверенного актора международных отношений.

Ключевые слова: Китай, конструктивизм, корпоративная идентичность

Дата публикации: 31.12.2020

Ссылка для цитирования:

Сокрюкин А. В. Корпоративная идентичность Китая // Nauka.me – 2020. – Номер 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.me/S241328880013312-7-1> (дата обращения: 19.05.2025). DOI: 10.18254/S241328880013312-7